

ных записях Прохора Коломнятина и элементы зарождающейся барочной «*Kuriositätenkultur*» — своеобразного культа редкостей, выражавшегося в собирании и отчасти использовании в салонной культуре экзотических языков,³⁹ слишком реалистичный, практичный, прагматичный словарь-тезаурус, созданный им, менее всего отвечал задачам умозрительной эстетики, да и обстоятельства вряд ли к тому располагали. Скорее типологически словарные записи русского лексикографа, известного нам только по иноческому имени, близки словарям путешественников в Московию Ричарда Джемса (1618–1619)⁴⁰ и Тенниса Фенне (1607).⁴¹ Как и они, иннок Прохор Коломнятин руководствовался не только прагматической задачей — освоиться в чуждом для него мире, но и интересом к жизни в ее необычных для него проявлениях.

³⁹ Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском Азбуковнике... С. 48.

⁴⁰ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.

⁴¹ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Copenhagen, 1961. Vol. 1: Facsimile Copy; 1970. Vol. 2: Transliteration and Translation / Ed. by L. L. Hamerich, R. Jakobson; 1985. Vol. 3: Russian-Low German Glossary / Ed. by A. H. van den Baar; 1986. Vol. 4: Mittel-niederdeutsch-neuhochdeutsch Wörterbuch zum Russischniederdeutschen Gesprächsbuch / Ed. by H. J. Gerneetz; Hendriks P., Schaeken J. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607: An Electronic Text Edition (<http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>; дата обращения: 30.04.2019).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-63-73

© А. С. Бодрова

ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА А. С. ШИШКОВА И ИСТОРИЯ ПУШКИНСКИХ ИЗДАНИЙ 1825–1826 ГОДОВ*

Непродолжительная, но активная деятельность адмирала Шишкова в должности министра народного просвещения, которую он занимал с 15 мая 1824-го по 23 апреля 1828 года, до сих пор остается недостаточно отрефлексированной исследователями. Больше внимание уделялось предшествующим эпизодам его институционализированного и внеинституционального участия в литературной и культурной жизни. Между тем особый интерес этого периода несомненен не только в силу очевидного административного влияния Шишкова на политику в области печати и цензуры. Не менее важную роль играла и непосредственная принадлежность нового министра к литературному полю, его вовлеченность в культурную жизнь и авторитет «старейшины литературы нашей»,¹ который в середине 1820-х годов признавали даже убежденные противники его «архаистских» и «славенофильских» взглядов. Ни до, ни после Шишкова во главе Министерства народного просвещения не было сопоставимой или более крупной литературной фигуры, и эта своего рода «двойная идентичность»² Шишкова во многом определяла как восприятие его министерской политики

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-20003 «Государство и институты литературы: от реформ Петра I до „Великих реформ“».

¹ Как назвал Шишкова П. А. Вяземский в письме к Пушкину от 6 ноября 1824 года. См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. 1837–1937: В 16 т. М., 1937. Т. 13. С. 117. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи сокращенно, с указанием в скобках номера тома и страницы.

² Определение, предложенное А. Л. Зориным для описания самоощущения и самопозиционирования дворян-литераторов, так или иначе совмещавших собственно литературные занятия и служебно-чиновничью карьеру: Зорин А. Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьева // Новое литературное обозрение. 2011. № 110 (4). С. 188–201; ср. также: Велижев М. Б. «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И. И. Дмитриева // Avtobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2016. Т. 5. С. 117–150.

в писательских кругах, так и собственно бюрократическую стратегию Шишкова, принципы и направления его деятельности.

В такой перспективе показательными оказываются случаи непосредственного участия Шишкова-министра в эдиционной и, в частности, цензурной судьбе литературных произведений и его взаимодействие с авторами, издателями и цензорами.³ Любопытный с этой точки зрения материал представляет история подготовки и публикации двух важнейших изданий Пушкина середины 1820-х годов — первой главы «Евгения Онегина» (1825) и «Стихотворений Александра Пушкина» (1826), — когда Шишков-министр имел возможность напрямую влиять на судьбу пушкинских книг и публикаций и по должности обязан был на них реагировать. Дополняя историю лично-биографических отношений Пушкина и Шишкова, которая, по справедливому замечанию М. Г. Альтшуллера,⁴ далека от полноценной изученности, эти сюжеты демонстрируют особенности взаимодействия литературных и государственных институций в последние годы александровского и первые годы николаевского царствования.

1

Назначение адмирала Шишкова министром народного просвещения, последовавшее 15 мая 1824 года, вызвало оживленную, хотя и несколько разноречивую реакцию Пушкина. В письме к брату Льву от 13 июня 1824 года поэт рассуждал о выгодах и недостатках «перемены министерства» — применительно к актуальной литературной ситуации вообще и своим личным обстоятельствам в частности: «С переменою министерства, ожидаю и перемены цензуры. А жаль..... la soupe était pleine. Бируков и Красовской не в терпез были глупы [и] своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он *Бахчис.<арайский> Фонтан* из уважения к святыни Академического словаря и неблажно составленному слову *водомерт*? Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою главой или песнью Онегина. Авось пролезем» (13, 98).

Первый пушкинский отзыв ожидаемо наполнен арзамасской иронией по отношению к неизменным «славенофильским» убеждениям «дедушки Шишкова», но к саркастической насмешке все же не сводится. В назначении нового министра Пушкин сразу прозревает как «добро для литературы вообще», так и собственные авторские выгоды, связанные прежде всего с надеждами на перемены в цензурной политике, которая в последние годы министерского «правленья» предшественника Шишкова А. Н. Голицына вызывала острое общественное раздражение как в литературных кругах, так и за их пределами.⁵ Анекдотические буквалистские претензии петербургских цензоров А. С. Бирукова и А. И. Красовского к употреблению сакральных слов и образности в «мирских» контекстах, получившие широкую огласку, в частности, из-за скандалов вокруг запрещения баллады В. А. Жуковского «Замок Смальгольм»⁶ и в особенности «Стансов к Элизе» В. Н. Олина,⁷ надолго определили однозную институциональную репутацию

³ Еще один характерный пример см.: Бодрова А. С. Поэт Языков, цензор Красовский и министр Шишков: к истории цензурной политики 1824–1825 годов // Русская литература. 2018. № 1. С. 35–51.

⁴ Альтшуллер М. Г. Пушкин и Шишков // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2004. Вып. 29. С. 264.

⁵ О цензурной политике эпохи голицынского министерства см.: Щербальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 27–29; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 122–133, 149–159, 162–166, 175–187; Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: В 2 т. М., 2015. Т. 1. С. 79–83, 86–89, 94–99.

⁶ См.: Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры. С. 162–166.

⁷ Подробную реконструкцию «дела Олина» и публикацию документов из архива Петербургского цензурного комитета см.: Пешио Дж. Жалоба Валериана Олина: Материалы из архива

цензуры и соответствующее мнение о ней, которое в полной мере разделял и Пушкин.⁸ В свою очередь, известные выступления Шишкова против такой цензурской практики,⁹ игнорирующей специфику литературных жанров и поэтического языка (или, по его собственной формулировке, «не разумеющей силы языка») и дискредитирующей таким образом цензуру как институт, внушали — в том числе Пушкину — надежды на перемены.

Тем не менее нельзя не отметить, что отношение к ним Пушкина, проявляющееся в цитированном выше письме брату Льву от 13 июня 1824 года, а также в несколько более позднем письме к П. А. Вяземскому, отличается своеобразной парадоксальностью: «...я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*. <...> А теперь, как позволяют Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные, [и] что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом — вот как Шишков сделает всю обедню <говном>».¹⁰

В этих пушкинских парадоксах, как кажется, нужно видеть отголосок его более ранних рассуждений о том, каким образом можно было бы «дельно принятая за Бируковых», чтобы «дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим [мнением] голосом» (13, 57; письмо Вяземскому от 6 февраля 1823 года). Возмущение абсурдной глупостью и «своенравием» цензуры могло, по убеждению Пушкина, дать основание для общего (и, вероятно, более радикального) выступления «мыслящего класса» «русских писателей» против цензурных порядков — в новой же ситуации инициатива реформы будет исходить «сверху», от самого правительства, которое при незначительных послаблениях («...позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные...») сумеет сохранить прежние, весьма притеснительные для литературы условия контроля над печатью.

Однако постепенно эти институционально-стратегические размышления Пушкина все больше уступали место «эгоистичным» тактическим планам, связанным с потенциальной прибылью от возможных изданий своих сочинений: «С другой стороны деньги, Онегин, святая заповедь Корана — вообще мой эгоизм» (13, 100; письмо Вяземскому от 24–25 июня 1824 года).

Главные издательские и коммерческие надежды весной–летом 1824 года Пушкин возлагал на публикацию первой главы «Евгения Онегина»,¹¹ и назначение Шишкова, по убеждению Пушкина, должно было открыть ему «врата цензуры»:¹² «Попытаюсь

Санкт-Петербургского цензурного комитета // Matica srpska. Beograd; Novi Sad, 2017. Vol. 92. С. 355–374.

⁸ Об отношении Пушкина к цензуре в 1820–1822 годах см. прежде всего первое «Послание цензору» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 79–81) и комментарии к нему (Там же. С. 723–732; комм. Е. О. Ларионовой).

⁹ См.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Berlin, 1870. Т. 2. С. 141–145 («Мнение мое по делу о профессорах [Петербургского университета]»); а также: Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 386–390. По свидетельству самого Шишкова (см.: Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 142), поданное им «Мнение...» было принято «с великим одобрением» и распространялось в списках.

¹⁰ Письмо от 24–25 июня 1824 года (13, 99–100; пропущенное в публикации последнее слово восстановлено по автографу: ПД 1277. Л. 2–2 об.).

¹¹ Ср. в письме к Вяземскому от начала апреля 1824 года: «Слэнин предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. <...> Дело стало за цензурой <...> дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии — — <sic!> т. е. или рыбку съесть, или на <хуй> сесть. <...> Как бы то ни было, готов хоть в петлю» (13, 92; цензурный пропуск восстановлен по автографу: ПД 1275. Л. 2).

¹² Ср. более ранние скептические высказывания Пушкина о цензурных перспективах «Онегина»: «...я теперь пишу не роман, а роман в стихах <...>. В роде Дон-Жуана — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать...» (13, 73; письмо Вяземскому от 4 ноября 1823 года); «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя. Бируков ее не увидит

толкнуться ко вратам цензуры с первой главой или песнью „Онегина“. Авось пролезет» (13, 98; письмо Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 года); «Авось с переменной министерства она и напечатается» (13, 97; письмо Вяземскому от 7 июня 1824 года).¹³

На этом фоне не случайным кажется и возобновление интереса Пушкина к еще одному отложенному издательскому проекту — подготовке собрания своих стихотворений. В письме от 29 июня 1824 года Пушкин просил А. А. Бестужева обратиться к Н. В. Всеволожскому, которому некогда «полу-продал полу-проиграл рукопись» «мелких своих сочинений»,¹⁴ с тем чтобы выкупить ее для издания: «Кончу дружеской комиссией — постарайся увидеть Никиту Всеволожского <...> Напомни этому милтому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигн. <ациями>. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристип Всеволодович?» (13, 101).

Внелитературные обстоятельства июля 1824 года, приведшие к высылке Пушкина из Одессы в Михайловское, на несколько месяцев отложили намеченные издательские планы, к которым поэт вернулся только в конце сентября — октябре того же года. В последних числах сентября Пушкин работает над основным черновиком «Разговора книгопродавца с поэтом» (помечен 26 сентября), задуманного как пролог-предисловие к первой главе «Онегина»,¹⁵ в конце октября набрасывает — в прозе и стихах — письмо к П. А. Плетневу, где просит выступить литературным судьей и издателем романа в стихах,¹⁶ и тогда же составляет письмо к Всеволожскому с прямой просьбой «продать <...> назад <...> рукопись» стихотворений (13, 115). Письма к обоим адресатам, беловую рукопись первой главы «Онегина» и «Разговора книгопродавца с поэтом» увез 3–5 ноября из Михайловского в Петербург Лев Пушкин.¹⁷ По всей видимости, среди текстов, отправленных Пушкиным в столицу, был и еще один, работа над которым также велась в октябре 1824 года, — это «Второе послание к цензору», не менее других связанное с ближайшими издательскими намерениями Пушкина.¹⁸

Как неоднократно отмечалось, «дальним» и главным адресатом, равно как и центральным героем этого послания был не собственно цензор, а начальствующий над ним «честный министр» Шишков, удостоившийся развернутой апологии Пушкина. Суммируя свои более ранние эпистолярные реплики о переменах в политике цензуры и Министерства народного просвещения, Пушкин выстраивал здесь новую риторическую и идеологическую конструкцию, позволявшую одновременно «усмирить кичливого Красовского» и послужить на пользу словесности, не забывая о собственном «эгоизме». Если в летних письмах Пушкин видел в реформировании цензурных порядков «сверху» ослабление позиции литераторов в борьбе против цензоров и цензуры, то во «Втором послании...» он меняет точку зрения на этот сюжет. Демонстративно отказываясь от претензий на то, чтобы своей поэтической «жалобой» исправить «на-

за то, что он фи-дитя, блажной дитя» (13, 75; письмо к А. А. Дельвигу от 16 ноября 1823 года); «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге» (13, 88; письмо к А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 года).

¹³ Показательно, что беспокойство Пушкина о том, что цензура не «поумнела при Шишкове» и что «при старом по старому», также связано прежде всего с «Онегиным»: «Онегин мой [раз] растет. Да чорт его напечатает...» (13; 101; письмо к Бестужеву от 29 июня 1824 года).

¹⁴ Об истории тетради Всеволожского и раннем этапе подготовки «Стихотворений» 1826 года см.: *Томашевский Б. В.* История тетради Всеволожского // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 303–324.

¹⁵ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 485, 487–491 (комм. Г. Е. Потаповой; в печати).

¹⁶ Черновой текст письма см.: 13, 113. Ср. также комментарий к стихотворению «<Из письма к П. А. Плетневу>» («Ты издал дядю моего...»): *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 952–953 (комм. С. В. Березкиной; в печати).

¹⁷ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 455.*

¹⁸ Краткое указание на связь послания с готовившейся публикацией первой главы «Онегина» см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837). С. 51–52; *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 56.

следников Тимковского» («Я переменной сею / Приятно изумлен, гордиться не посмею...»), Пушкин всецело возлагает ответственность и за прежние «удушение» просвещения, и за «изумляющие» новые порядки на того, кому были вверены науки и цензура. В такой перспективе цензор оказывается исключительно зависимым, подчиненным персонажем, которому определено действовать не «самовластно», а «по долгу своему»; настоящим, равным собеседником автора становится сам новый министр, который не только «правит науками», но и благодаря своей давней любви к «русским музам» существует в том же литературном поле (ср. во «Втором послании...»: «Он с нами сетовал...», «Он дорог нам...» и т. д.).

В соответствии с этой логикой Пушкин выстраивал свою тактику и при устройстве цензурно-издательской судьбы первой главы «Онегина». Отправляя в Петербург «Второе послание к цензору» (вероятно, именно таково происхождение списка стихотворения, выполненного рукой Л. С. Пушкина¹⁹), его автор с большой долей вероятности рассчитывал на то, что текст приобретет известность²⁰ и так или иначе дойдет до Шишкова, как и слухи о новом романе в стихах, который — по убеждению Пушкина — прежде чем попасть в петербургскую цензуру, должен был быть представлен министру и одобрен им. Как свидетельствуют цензурные ведомости и записи в дневнике К. С. Сербиновича, в то время состоявшего при Шишкове чиновником особых поручений и бывшего у него домашним человеком,²¹ этот замысел был успешно реализован. 25 декабря 1824 года датирована запись Сербиновича: «Ал. Сем. <Шишков> спросил меня: читал ли я „Онегина“?», а уже 28 декабря, как следует из того же источника, «был В. А. Жуковский и читал А. С. <Шишкову> „Онегина“». ²² В своих воспоминаниях, написанных с опорой на дневниковые записи, Сербинович пояснял, что речь шла именно о предцензурном представлении Шишкову романа в стихах: «28-го декабря 1824 г. памятно для меня тем, что Василий Андреевич Жуковский был у моего министра и читал ему „Онегина“, прежде чем отдал его в цензуру». ²³

Вступление рукописи первой главы — объемом в 51 страницу — в петербургскую цензуру помечено в соответствующих ведомостях тем же 28 декабря 1824 года,²⁴ однако в «Книге для записей рукописей и книг» первая глава «Онегина» зарегистрирована не на своем хронологическом месте, а между записями о поступлениях 29 и 31 декабря, что, вероятно, может свидетельствовать о чуть более позднем представлении рукописи, состоявшемся, по всей видимости, после неофициального одобрения ее Шишковым. Цензурное разрешение первой главе, стремительно подписанное А. С. Бируковым, датировано 29 декабря, отпечатанная книжка получила цензорский билет 16 февраля 1825 года. ²⁵

Излагая в письме Вяземскому от 25 января 1825 года обстоятельства близящегося выхода «Онегина», Пушкин не сомневался в том, кому и чему он был обязан этим успехом: «Онегин печатается; брат и Плетнев смотрят за изданием; не ожидал я, чтоб

¹⁹ Описание этой копии, которую первые публикаторы ошибочно считали автографом Пушкина, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 519 (комм. С. В. Березкиной, А. С. Бодровой; в печати).

²⁰ Ср. вопрос Пушкина в письме Вяземскому от 25 января 1825 года: «Знаешь ты мое „Второе послание цензору“?» (13, 135).

²¹ См. в воспоминаниях Сербиновича: «В августе месяце (1824 года. — А. Б.) Ал. Сем. Шишков переехал из собственного дома в казенную квартиру, на улице Почтамтской, где и мне приказал отвести квартиру, желая иметь меня при себе. Он поручил мне смотреть за порядком бумаг в его кабинете» (Сербинович К. С. Николай Михайлович Карамзин: Воспоминания // Русская старина. 1874. Т. 11. Вып. 9. С. 73).

²² Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича / Публ. В. С. Нечаевой // Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 250.

²³ Сербинович К. С. Николай Михайлович Карамзин. С. 75.

²⁴ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 190. Л. 50 об. — 51; Оп. 1. № 432. Л. 158 об.

²⁵ Там же. Оп. 1. № 446. Л. 18; № 370. Л. 76. В печати указано: Могиланский А. П. К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 394.

он протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе послание цензору? <...> Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове, tempora altri! <...> В подлостях нужно некоторое благородство. Я же подличал благонамеренно — имея в виду пользу [нашу] нашей словесности и усмиренье кичливого Красовского» (13, 135–136).

Так, «Второе послание к цензору», подводя промежуточный итог размышлениям Пушкина об отношениях между литераторами, цензорами и правительством в ситуации второй половины 1824 года, оказывалось в значительной мере прагматическим текстом, функционально связанным с публикацией «Евгения Онегина» — как и «Разговор книгопродавца с поэтом», открывавший издание первой главы романа в стихах. Но если рефлексия о взаимодействии внутри литературного поля могла стать предметом печатного «разговора», то институциональные отношения между литературой и цензурой (т. е. разговор поэта с цензором) еще долгое время должны были оставаться за пределами печати.

2

Непосредственное участие Шишкова в издательской истории первой главы «Евгения Онегина» заставляет задаться вопросом о других случаях вмешательства министра народного просвещения в цензурно-эдиционную судьбу пушкинских сочинений. Известно, что, по-видимому, обнадеженный расположением Шишкова, Пушкин в начале апреля 1825 года обдумывал прошение к нему (13, 162) с жалобой на «плутню Ольдекопа»,²⁶ который републикацией русского текста «Кавказского пленника» (по сути контрафактной) при своем немецком переводе лишил автора потенциального гонимого за новое издание (свой убыток Пушкин оценивал в 3000 рублей). Однако это намерение так и осталось нереализованным — письмо Шишкову не двинулось далее чернового наброска.

Этими фактами летопись отношений Пушкина-поэта и Шишкова-министра в 1824–1826 годах обычно и ограничивается, между тем в архивах Департамента народного просвещения и Канцелярии министра сохранились документы, свидетельствующие о заинтересованном внимании Шишкова к еще одной пушкинской книге, появившейся в печати в это время, — «Стихотворениям Александра Пушкина» 1826 года. Дополняя историю рецепции и отчасти цензурную историю его первого лирического сборника, эти материалы позволяют уточнить воззрения Шишкова не только на задачи цензуры, но и на функции вверенного ему министерства.

Обстоятельства и ход подготовки «Стихотворений» 1826 года реконструированы исследователями достаточно подробно²⁷ — прежде всего в том, что касается составления сборника и работы Пушкина над текстами весной 1825 года, когда он наконец получил — через брата — согласие Всеволожского уступить права на издание «полупроданной полу-проигранной» рукописи, а затем и саму так называемую Тетрадь Всеволожского. Наряду с другой рукописной тетрадью (Тетрадью Капниста), она послужила основой для цензурной рукописи «Стихотворений». Эта рукопись, находившаяся в распоряжении П. В. Анненкова,²⁸ но затем утраченная, была подготовлена — по указаниям Пушкина — его братом Львом и передана им Плетневу для подачи в цензуру и дальнейшей организации издательского процесса. О ее содержании позволяет судить оглавление, посланное Плетневым Пушкину в письме от 26 сентября 1825 года (13,

²⁶ Об этом издании см.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 85–94.

²⁷ См.: *Томашевский Б. В.* 1) История тетради Всеволожского. С. 303–324; 2) Капнистовская тетрадь // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 330–352; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. С. 113–126; *Сидяков Л. С.* Прижизненный свод пушкинской поэзии // Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подг. Л. С. Сидяков; отв. ред. Ю. М. Лотман и С. А. Фомичев. СПб., 1997. С. 400–408.

²⁸ Краткое описание рукописи и сообщение о некоторых вариантах, в ней содержавшихся, см.: *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 31; Т. 2. С. 31–32, 97, 151–154, 187.

232–234), в котором также сообщаются сведения об обстоятельствах цензурования сборника: «Вот тебе, милый Пушкин, оглавление. Я в таком виде получил твои стихотворения от брата Льва, а распоряжение делал сам Жуковский. В этом виде послал я их и к Бирукову. <...> Я наверно получу рукопись от Бирукова к 1 октября. <...> Если цензор что вычеркнет из твоих шпес, я буду печатать с пропусками, прибавив на конце, что они сделаны самим автором: без того нельзя» (13, 234–236).

Как свидетельствуют документы Петербургского цензурного комитета, письмо Плетнева было написано по горячим следам: вступление 120-страничной рукописи «Стихотворений Александра Пушкина» в цензуру помечено в «Книге для записи рукописей и книг» 25 сентября 1825 года,²⁹ напротив рукописи — помета «одобрена», однако дата выдачи цензурного разрешения не обозначена. Таким образом, приходится ориентироваться на дату цензурного разрешения, выставленную на самой книге, — 8 октября 1825 года. В отсутствие рукописи судить о характере и объеме цензорских претензий Бирукова³⁰ можно лишь по косвенным «улика» в печатном тексте — пропускам и строкам отточий, которые нарушают рифменную структуру текста и не могут быть интерпретированы как авторское, смысловое решение. Такие пропуски — в общем ожидаемые Пушкиным — обнаруживаются в стихотворениях «Андрей Шенье», «Наполеон», «Прелестнице», послании «Ч<аадае>ву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»)³¹. Б. В. Томашевский, опираясь на указания Анненкова о поправках в цензурной рукописи, предполагал, что после возвращения от Бирукова она отправлялась Пушкину для послецензурного просмотра.³² Во всяком случае, в октябре–ноябре 1825 года Пушкин, очевидно, делал распоряжения по изданию и досылал отдельные тексты, не вошедшие в цензурную рукопись, но включенные в сборник («Если жизнь тебя обманет...», «Ex ungue leonem» и «Юноша»). Полностью книга была отпечатана только в самом конце декабря и получила билет на выход в свет 28 декабря 1825 года,³³ появившись в продаже в новых политических и литературных обстоятельствах.

Неприятных и чреватых для Пушкина «применений» к сборнику, «несвоевременно» вышедшему через две недели после восстания на Сенатской площади, опасался Н. М. Карамзин, внимание которого привлек потенциально двусмысленный в ситуации начала 1826 года эпиграф из Проперция — «Aetas prima sanat veneres, extrema tumultus [Первая молодость воспевае любовь, позднейшая — смятения]».

²⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 191. Л. 34 об. — 35. Это последняя рукопись, поданная в Петербургский цензурный комитет в сентябре 1825 года. Отметим также, что в сводной цензурной ведомости за сентябрь 1825 года (Там же. Оп. 1. № 446) сведения о «Стихотворениях Александра Пушкина» отсутствуют.

³⁰ Анненков, имевший доступ к цензурной рукописи и указавший на целый ряд случаев, когда Пушкин сам вычеркивал тексты целиком или исправлял отдельные строки, не сообщал никаких сведений о запретительных пометах цензора.

³¹ Пушкин А. С. Стихотворения. СПб., 1826. С. 30, 34, 92, 93, 158, 172 (в последнем случае — не обозначенный точками пропуск стиха 74). Важно, однако, отметить, что не все пропуски, отмеченные точками, в «Стихотворениях» 1826 года — цензурного происхождения. Очевидно выразительные функции имеют «пропущенные строки» в элегии «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» (с. 25–26), а также строка отточий в послании «Ч<аадае>ву. С морского берега Тавриды» (с. 162); строки точек, завершающие тексты «Уединение» («Приветствую тебя, пустынный уголок...», с. 75) и послания «N. N.» («Я ускользнул от Эскулапа...», с. 161), хотя и указывают на имевшееся рукописное продолжение обоих текстов в их первоначальных редакциях, соответствуют авторскому решению представить в сборнике сокращенные — и за счет этого проходные — редакции стихотворений (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 593–594 (комм. Е. О. Ларионовой, О. С. Муравьевой, С. Б. Федотовой к стихотворению «Деревня» и его поздней редакции под заглавием «Уединение»), 579–580 (комм. Е. О. Ларионовой к стихотворению «К Энгельгардту» и его поздней редакции под заглавием «N. N.»)). Авторским решением, по-видимому, был обозначенный строчкой точек пропуск нескольких памфлетных строк во втором послании «Ч<аадае>ву» (Пушкин А. С. Стихотворения. С. 171; об этом см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 606–609; комм. Е. О. Ларионовой).

³² Томашевский Б. В. История тетради Всеволожского. С. 309.

³³ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 93; № 446. Л. 134; в печати указано: Могиланский А. П. К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина». С. 395.

П. И. Бартнев так передает рассказ Плетнева об этой ситуации: «Тот (Карамзин. — А. Б.), взглянув на заглавный листок, воскликнул: „Что вы это сделали! Зачем губит себя молодой человек!“ — „Автор понимает под словом *tumultus* — смятения душевные“, отвечал Плетнев». ³⁴ Вопреки опасениям Карамзина, для Пушкина выход сборника неприятных последствий не имел, однако, как известно из письма А. А. Дельвига Е. А. Баратынскому от конца февраля — марта 1826 года, «„Монах“ и „Смерть Андре Шенье“ перебесили <...> цензуру», — и от ее придирчивости пострадало уже отпечатанное издание «Эды и Пиров». Как сообщал их автору Дельвиг, петербургская цензура «совсем готовую книжку остановила и принудила <...> перепечатать по ее воле листок „Пиров“. Напрасно мы хотели поставить точки или сказать: „Оно и блещет, и кипит, / Как дерзкий ум не терпит плена“. Нет. На все наши просьбы суровый отказ был ответом. Взгляни на свой экземпляр, потряси его, листок этот выпадет».³⁵

Благодаря архивным документам Министерства народного просвещения эта история может быть уточнена, а круг «пострадавших» из-за пушкинского издания «Стихотворений» 1826 года несколько расширен.

Среди внимательных читателей первого сборника Пушкина оказался и министр Шишков, чей интерес к этой книге — принимая во внимание обстоятельства смены царствования — был, по-видимому, не только литературным, но и ведомственным: помимо того, что «Стихотворения» недавно были разрешены петербургской цензурой, отпечатаны они были в Типографии Департамента народного просвещения. Для Шишкова, который видел в восстании 14 декабря прямое следствие «слабой», неразумной цензуры и недостаточного усердия к должному устройству «преподавания наук» и просвещения,³⁶ в начале нового царствования было особенно важно как можно скорее утвердить деятельность своего министерства на строгих основаниях, чтобы «вкоренившемуся и постепенно отчасу усиливающемуся злу <...> поставить преграду».³⁷ На практике это привело к внутренним ревизиям и усилению контроля как за цензурой, так и за другими подразделениями Министерства народного просвещения — в том числе, как выясняется, и за его типографией.

26 января 1826 года министр Шишков направил директору Департамента народного просвещения и по совместительству управляющему Типографией Д. И. Языкову письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь мой Дмитрий Иванович,

В начале сего года напечатана в Типографии Департамента народного просвещения с разрешения цензуры книга под названием: *Стихотворения Александра Пушкина*.

В книге сей между прочим включены два стихотворения: *Андрей Шенье* и *Послание к Лицинию*, которые, при строгом рассмотрении цензуры, подлежали бы запрещению. Заметив упущение цензору, пропустившему означенную книгу, я не могу упустить из вида и другого обстоятельства, что означение на заглавном листе Типографии Департамента народного просвещения на печатаемых в ней книгах подает некоторый,

³⁴ Еще новые письма Пушкина / Публ. П. И. Бартнева // Русский архив. 1870. № 7. Стлб. 1366.

³⁵ Цит. по: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 178. Упомянутый Дельвигом «Монах» — это, по всей видимости, стихотворение «Русалка» (Пушкин А. С. Стихотворения. С. 44–47), повествующее о роковом искушении старого отшельника. Согласно сведениям автора «Замечаний на „Комедию о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве“» (которым, скорее всего, был Ф. В. Булгарин), публикация этого текста, как и поэмы «Чернец» И. И. Козлова, вызвала нарекания со стороны церкви: «Обе пиесы подвергались гонению духовенства, и на них были приносимы жалобы министру просвещения» (цит. по: *Рейт-блат А. И.* Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 93).

³⁶ См., например, письмо Шишкова к Николаю I от 12 декабря 1826 года (Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 284–287).

³⁷ Там же. С. 287.

хотя и несправедливый, впрочем, повод к заключению, что книги сии издаются под особым покровительством Министерства народного просвещения.

Желая отклонить таковое неосновательное нареkanie, которое в глазах немалого числа людей может иметь некоторое правдоподобие, я прошу покорнейше Ваше Превосходительство распорядиться таким образом, чтобы, не взирая на позволение цензуры, книги, по содержанию своему подлежащие некоторому сомнению, отнюдь не печатались в Типографии Департамента народного просвещения и чтобы начальство ее доводило сии случаи до сведения Вашего Превосходительства, а Вы, смотря по важности обстоятельств, докладывали о том мне.

Имею честь быть с совершенным почтением
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
Александр Шишков

№ 149
26 Генваря 1826». ³⁸

Официальное письмо Шишкова — наиболее раннее свидетельство об актуально-политическом прочтении текста «Андрея Шенье», который в 1827 году принесет Пушкину серьезные неприятности в связи с делом о распространении пропущенных стихов из элегии под заглавием «На 14-е декабря». Любопытно, что второй текст, обративший на себя внимание Шишкова, — не «Русалка», упомянутая в письме Дельвига, а послание «К Лицинию», которое, в отличие от баллады, также могло подразумевать опасные и нежелательные «применения».

Но если выговор цензору за отсутствие должной осторожности и предусмотрительности входил в обычную практику высшего цензурного начальства и был законодательно мотивирован, ³⁹ то фактическое требование дополнительной, внутри-типографской цензуры было явлением чрезвычайным, демонстрирующим глубокую озабоченность Шишкова не только репутацией Министерства народного просвещения, но и более общей проблемой организации должного надзора за печатью, проблемой, которая занимала его с середины 1810-х годов и которую он пытался решить новым цензурным уставом. До его утверждения 10 июня 1826 года Шишков, по-видимому, считал необходимым такое «точечное» регулирование книжной продукции.

Вызванные письмом Шишкова конкретные распоряжения Языкова, последовавшие 1 февраля 1826 года, доводили требования министра до прямой эксплицированности — на типографских корректоров, по существу, возлагались обязанности внутренних цензоров: «На основании такового приказа министра народного просвещения, предписываю Типографии впредь о всякой посторонней книге, представленной для напечатания в Типографию, которая, не взирая на позволение цензуры, по содержанию своему, будет подлежать некоторому сомнению, доносить мне и ожидать моего разрешения. При сем нужным считаю предписать Типографии к надлежащему исполнению, дабы г. г. корректоры оной непременно читали сами первую корректуру печатаемых в типографии книг и в случае какого-либо их сомнения, доносили бы о том немедленно начальству Типографии.

Директор Департамента народного просвещения Языков
Начальник отделения Золотарев». ⁴⁰

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 103. № 93. Л. 1–1 об.; отпуск: Там же. Ф. 735. Оп. 1. № 118. Л. 3–3 об.

³⁹ См. «Устав о Цензуре» 1804 года, § 15 (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 88).

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 103. № 93. Л. 2–3. Вторая подпись на документе принадлежит Я. А. Золотареву, начальнику Четвертого (хозяйственного) отделения Департамента народного просвещения (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето... 1826. СПб., 1826. Ч. 1. С. 412).

Эта внутриведомственная переписка, как кажется, позволяет лучше объяснить злключения, постигшие издание «Эды и Пиров» Баратынского,⁴¹ которое так же, как и «Стихотворения Александра Пушкина», печаталось в Типографии Департамента народного просвещения и которое было представлено в цензуру для получения цензурского билета как раз 1 февраля 1826 года.⁴² Учитывая, что книга Баратынского была единственной, в тот момент набравшейся в Типографии,⁴³ можно со всем основанием предположить, что она и стала объектом особого, пристального досмотра — в исполнении начальственного распоряжения. Разумеется, нельзя исключать, что и цензуровавший издание Бируков, также получивший от Шишкова замечание за неосмотрительно пропущенные «Стихотворения» Пушкина, проявил повышенную бдительность уже на стадии выдачи цензурного билета «Эде и Пирам», однако его внимание на крамольные строки «Пирав» могли обратить вынужденно осторожные сотрудники Типографии. Результатом этого повторного, дополнительного цензурного чтения стала редкая в книжной практике мера — для уже полностью готовой книги был перепечатан один лист (с. 51–52), затем подклеенный на корешок вырезанной страницы.⁴⁴

Как следует из цитированного выше письма Дельвига, опасения типографшиков и/или цензора вызвало развернутое описание «звездящейся влаги» Аи, чье свободное кипение уподоблялось пылкому уму:

И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
В нем укрывается отвага;
Его звездящаяся влага
Недаром взоры веселит:
Она *свободою* кипит;
Как *пылкий ум*, не терпит плена,
Рвет пробку резовою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой, —

это авторское чтение было восстановлено Баратынским в экземпляре, подаренном П. А. Вяземскому,⁴⁵ в то время как во всем тираже две строки — с учетом вынужденной неавторской правки — читались иначе: «Она *отрадою* кипит; / Как *дикий конь*, не терпит плена».⁴⁶

⁴¹ *Баратынский Е. А.* Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма. СПб., 1826 (ценз. разр.: 26 ноября 1825 года).

⁴² Дата выдачи цензурского билета: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 370. Л. 95а об.; *Могиланский А. П.* К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина». С. 395.

⁴³ Согласно ежемесячным цензурным ведомостям, в начале 1826 года загруженность Типографии Департамента народного просвещения была не слишком высокой и регулярной: 11 января были отпечатаны и получили цензурский билет «Чувствования двинянина» В. Я. Никонова (*Никонов В. Я.* Чувствования двинянина: Посвящается жителям Архангельска на 1826 год: [Стихи]. СПб., 1826; ценз. разр.: 4 января 1826 года, цензор Красовский), а также «Chant funèbre» Ж. Мюльаузера (*Mulhauser [J.]*. Chant funèbre (à la mémoire de l'Empereur Alexandre I). St. Pétersbourg, 1826), 1 февраля — «Эда и Пиры», 22 февраля — «Стихи при выпуске девиц из Екатерининского» института петье», 8 марта — «Плач Россиян над гробом Александра Благословенного, отца отечества» П. А. Теряева, «L'Italie reconnaissante des bienfaits d'Alexandre 1er par Le Chevalier Arrighi» и «Canto funebre con lieto fine eseguito dalle quarto principali province Dell'Impero Alessandro I» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 514. Л. 4, 16, 29–30; № 370. Л. 94 об., 95а об., 95б об.).

⁴⁴ Экземпляров издания без цензурной замены листа не выявлено.

⁴⁵ Современное местонахождение: Музей Книги РГБ. Шифр МК XII.А.7/8. Инв. МК IV — 6210. Описание экземпляра см.: *Нечаева В.* Из архива Баратынского. Остафьевский экземпляр сочинений Баратынского и история одного литературного мотива // Утренники. Пг., 1922. Кн. 1. С. 66–71.

⁴⁶ *Баратынский Е. А.* Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма. С. 51.

У нас нет сведений о том, долго ли продержалась такая практика внутритипографской цензуры, однако, как показывает сквозной просмотр изданий, отпечатанных в Типографии Департамента народного просвещения в первые несколько месяцев 1826 года,⁴⁷ до перепечатки листов в уже готовых книгах дело более не доходило. Характерно, однако, что в новом цензурном уставе, доработка которого активно велась в первые месяцы 1826 года и который был высочайше утвержден 10 июня, подробно регламентировались и расширялись обязанности содержателей Типографии,⁴⁸ а также предусматривалась специальная возможность остановки издания на стадии выдачи цензурского билета, если цензор в последний момент обнаруживал в книге не замеченные ранее места, подлежащие запрещению.⁴⁹

⁴⁷ Помимо книг и брошюр, перечисленных в прим. 43, в Типографии Департамента до конца апреля 1826 года были отпечатаны: «Русские мореходцы на Ледовитом океане» Д. И. Хвостова (СПб., 1825; ценз. билет: 9 марта), «Басни Ивана Крылова» (В семи книгах. Новое, исправленное и пополненное издание. СПб., 1825; ценз. билет: 20 марта), «Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом» (СПб., 1826; ценз. билет: 29 марта), «Ода на кончину Императора Александра I» А. М. Мартынова (СПб., 1826; ценз. билет: 5 апреля), «Стихи на кончину Александра Благословенного» Н. Гамулецкого (СПб., 1826; ценз. билет: 12 апреля), «Chant funèbre sur la mort de Sa Majesté l'Empereur Alexandre I» А. de Bussy-Rabutin (St.-Petersburg, 1826; ценз. билет: 12 апреля) и четвертая часть «Сибирского вестника» на 1824 год (ценз. билет: 12 апреля) (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 514. Л. 30, 31, 32, 41; № 370. Л. 95б об. — 97 об.).

⁴⁸ Ср. § 71–73, 75 «Устава о цензуре» 1826 года (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 146–148) и § 45–46 «Устава о цензуре» 1804 года (Там же. С. 94–95).

⁴⁹ См. § 78: «Равным образом позволяется цензору, давшему уже позволение на напечатание книги или рукописи, в случае, если прежде выпуска отпечатанных экземпляров из типографии найдет он, по новому соображению, что поступил неосмотрительно и что некоторые места пропущенной им книги или рукописи подлежат запрещению, докладывать о том Комитету и, с согласия его, перепечатать на свой счет листы, на которых те места открылись, с истреблением прежде отпечатанных» (Там же. С. 148–149).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-73-92

© А. В. Курочкин

А. С. ПУШКИН В «ЗАПИСКАХ О СЛОВЕСНОСТИ» ГРАФА Д. И. ХВОСТОВА

Для оценки творчества Пушкина немаловажное значение приобретают отзывы о нем современников. В их числе — неизвестные ранее суждения апологета классицизма графа Д. И. Хвостова (1757–1835), в поздние годы своей жизни выступавшего своеобразным хроникером литературного процесса. «Собираю запасы для истории словесности нашей, за которую журналист Греч так неудачно и так несчастливо взялся»,¹ — писал Хвостов митрополиту Киевскому Евгению (Болховитинову) после выхода книги Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (1822). Свои наблюдения граф намеревался в дальнейшем издать как особые «Записки о словесности», но смерть помешала ему реализовать задуманное.

В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, в обширном архиве Хвостова (Ф. 322) хранятся переплетенные книги графа с его замечаниями, откликами на литературные новинки, исходящей и входящей корреспонденцией за последние десятилетия его жизни. В оглавлении книг заметки, предназначенные для включения в «Записки», сопровождаются соответствующими пометами. Несколько заметок Хвостов предполагал издать в томе своих прозаических сочинений, который из-за кончины

¹ См.: Морозов П. О. Граф Д. И. Хвостов // Русская старина. 1892. № 8. С. 427.